

УДК 81'23:008

ТУРГЕНЕВ И ГЕТЕ. НЕЧТО О ПСИХОПОЭТИКЕ, ЭРОСЕ И КРАСОТЕ

© 2016 В.Г.Щукин

Щукин Василий Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой средневековой и Новой русской литературы. E-mail: wszczukin@yandex.ru

Ягеллонский университет, Краков, Польша

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

В статье прослеживаются интертекстуальные связи эротических мотивов в творчестве И.С.Тургенева с повестью И.-В.Гете «Страдания юного Вертера». Автор стремится доказать, что общий для обоих писателей образ по-женски пассивного влюбленного, зачастую обреченного на смерть, восходит к платоновскому пониманию Эроса как воплощения потребности в любви, которая изначально обречена на невозможность удовлетворения. Психопоэтика Тургенева, близкая гетевской и основанная на суггестивной передаче «невыразимого», а также целый ряд повторяющихся мотивов свидетельствуют о приверженности обоих авторов платонической традиции изображения эротической сферы, истолкованной в сентиментально-меланхолическом ключе.

Ключевые слова: И.С.Тургенев, И.-В.Гете, Платон, психопоэтика, невыразимое, Эрос, интертекстуализм.

Как известно, грезы и в особенности сны позволяют человеку, давно простившемуся с затемненным, наивным, бескритично-органическим мироощущением первых трех лет жизни, понизить уровень сознания и за счет этого на время погрузиться в визионерство, которое будет пусть бледным и неполным, но все же в принципе верным символическим отражением обширной и неведомой области индивидуально и коллективного бессознательного [1]. В этом смысле наиболее активным и глубоким *сновидцем* в русской литературе XIX столетия был – наряду с гротескным визионером Гоголем – Иван Тургенев [2]. Мы легко найдем в его произведениях такие синонимы плодов воображения, как *мечта, воспоминание, привидение, призрак, сон* [3] – причем, не только в качестве мотивов или упоминаний в тексте, но даже в качестве заглавий его произведений [4].

Тургеневские «сны воображения» [5] не менее милы, чем пушкинские – не в том смысле, что они приятны, «как летом сладкий лимонад», а в том, что даже тогда, когда образы и мотивы Тургенева страшны или трагичны, они приобщают нас к живому, внелогическому ощущению Красоты. Той самой Красоты, которую немецкие романтики (а вслед за ними Жуковский) называли словом «невыразимое» (*das Unaussprechliche*) [6], а древние греки – среди прочего, также словом *κοσμός*, то есть лад, гармония, упорядоченность [7]. Красота эта кроется и в блеске дня, и в

неизведанной бездне ночи, и в систематичности «дневного», рационального сознания, столь высоко ценимого Тургеневым, и во мраке *Nachtseite* – «ночной стороны» бытия, то есть того «странного» бессознательного, которое чарует *непонятно почему*, как глаза любимой женщины, в которых «нечто совершенно нематериальное, неземное, некий «мистический просвет» [8]. Будучи одним из немногих в русской литературе скептиков [9], неоднократно высказывавшийся в духе глубочайшего философского пессимизма и живо ощущавший на себе дыхание «шевелиющегося хаоса», Тургенев, подобно Пушкину, Чехову или Бунину (но не «пророкам» и «учителям» – Гоголю, Достоевскому или Толстому), был подлинным русским *эллином* [10], а следовательно, певцом мировой гармонии космоса, то есть Красоты, неотъемлемой составной частью которой является Эрос.

Согласно авторитетному мнению В.Н.Топорова [11], тургеневское понимание Эроса восходило к рассказу Диотимы из диалога Платона «Пир» (*Συμπόσιον*), в котором приводится легенда о зачатии Эроса в день рождения Афродиты. Его матерью оказывается Пеня (*Πενία* – 'голод', 'бедность', 'нужда', 'неудовлетворенность', 'алкание'), а отцом Порос (*Πόρος* – 'сытость', 'богатство', 'жизненная сила', 'готовность вступить в половую связь'). Как сын своей матери, Эрот совсем не красив и не нежен, а груб, неопрятен, не обут и бездомен [12]; он постоянно алчет,

нуждается в красоте и ласке. Но «он по-отцовски тянется к прекрасному (τοῖς καλοῖς) и совершенному; он храбр, смел и силен ... он жаждет разумности и достигает ее, он всю жизнь занят философией, он искусный чародей, колдун и софист» [13]. Восприняв этот миф как нечто близкое собственным ощущениям и ощущениям своих героев, Тургенев не раз имел возможность открыть родственные себе мысли об амбивалентной – вечно-мимолетной, жизнено-смертоносной, созидательно-разрушительной или целомудренно-развратной – эротической энергии Красоты у Шиллера, Тютчева или Бодлера [14]. Всем этим авторам была особенно близка мысль Тургенева о родственности и диалектической взаимодополняемости таких фундаментальных первоначал природы, как любовь, смерть и сон, вождление и наслаждение, разрушение и созидание. И все же в первую очередь в этой связи должен быть упомянут Гете – еще один великий европейский эллин, зачастую оказывавшийся самым близким Тургеневу учителем и наставником в литературе.

В этом месте нельзя обойти стороной одну существенную проблему методологического характера. Что в решающей степени влияет на появление в творчестве писателя тех или иных слов, образов, идей, характеров, трактовок изображаемого мира? Если *только* непосредственный, спонтанный прорыв к тайнам «коллективного бессознательного», к реальным космическим первоосновам и архетипам человеческой *psyche* – неповторимый у каждого автора, который опирается в первую очередь на свой личный, глубоко интимный опыт (наследственность, опыт жизни в утробе матери, впечатления первых трех, самых важных для формирования психики, лет жизни, отношения с родителями, любовные переживания и т.п.) – то пришлось бы предать анафеме интертекстуализм и любые иные формы сравнительного литературоведения, констатируя при этом, что единственным связующим звеном между творчеством разных писателей является общий для всего человечества арсенал архетипов и соответствующих им символов. Если же творчество писателя сводится *только* к заимствованиям образов, идей, характеров и мотивов у своих предшественников и к их модификации (обновлению, «остранению» и т.п.), то историкам литературы незачем обращаться, скажем, к глубинной психологии или к интимным сторонам биографии интересующего их автора, ибо достаточно проверить, какие книги он читал и что из какого источника почерпнул.

По моему глубокому убеждению, которое я мог бы подкрепить ссылкой хотя бы на работы Ю.Н.Тынянова [15], одинаково важно учитывать оба воздействующих фактора: и внутрилитературный, и внелитературный ряд фактов. Литература, разумеется, живет по своим собственным законам, а ориентировка писателя на прочитанное столь же естественна, как подражание детей родителям. Однако не надобно забывать о том, что один писатель спокойно пройдет мимо Гомера или не дочитает до конца «Дон Кихота», зато трогательная история Дафниса и Хлои или откровенно-капризная «Исповедь» Руссо окажутся для него подлинным откровением; другой же сочтет, что все эти вещи слишком наивны, сентиментальны, а потому неинтересны. Повидимому, существует психико-интеллектуальная предрасположенность человека к некоей разновидности мироощущения и его выражению в художественной литературе, которая сопровождается равнодушием или неприязнью к другой такой разновидности. Однако подобная предрасположенность к данному комплексу архетипического «горизонта ожиданий» [16] носит не только индивидуальный, но и межличностный характер: она может встречаться у целого ряда людей – но она окажется вполне чужда другому рода индивидуальностям.

Вернемся к Тургеневу. В разговоре с братьями Гонкурами он утверждал: «Вся моя жизнь пронизана женским началом» [17]. Каждый внимательный читатель не может не заметить, что это сущая правда. Однако у этого провидца архаических первооснов бытия совершенно отсутствуют прямые обращения к главному женскому архетипу – к Великой Матери (Magna Mater). Материнское начало неизменно подвергается у Тургенева сублимации: он желает видеть в женщине или нежное невинное создание (то есть, деву, «доченьку»), или даже беспощадную (но красивую!) поработительницу слабого мужчины, которая также может принять мифический вид призрака (вампира, «сильфиды»). Иначе говоря, или «чистую» возлюбленную, или «роковую» обольстительницу, *femme fatale*. Последняя напоминает мать – постольку, поскольку она владеет волей и воображением «мужчины-сыночка» (типичнейший тургеневский герой!). Настоящей матерью она все же не становится, так как никогда не проявляет истинно материнской заботы и ласки [18]. Тургеневские «милые сны воображения» подобны стремлениям платоновского Эроса, который стремился к познанию идеи прекрасного в женщине, восхищаясь волей и жизне-

любием отца и стараясь забыть о голоде, нужде и бездомности алчущей матери, на которую (а не на отца) он был так похож [19].

Подобного рода эротические (в самом широком значении этого слова) «сны воображения» посещали и Иоганна Вольфганга Гете. Быть может, изначальная психическая и мирозерцательная настроенность автора «Фауста», которую, как и тургеневскую, можно назвать эллинской, и стала причиной глубокого внутреннего сходства двух корифеев литературы Нового времени. Читая Гете, Тургенев угадывал в нем самого себя. Творения веймарского гения открывали наиболее приемлемый для него путь «эротического» стремления к познанию Красоты, воплощенной у Гете не в идеале Матери-Мадонны, а в идеале Елены Прекрасной, архетипической любовницы.

В дальнейшем изложении я остановлюсь лишь на одном аспекте многообразных творческих связей Тургенева с Гете – на традиции психологического анализа и эротического образотворчества, восходящей к «Страданиям юного Вертера» (1774).

Два поколения русских читателей – карамзинское и пушкинское – зачитывались этой повестью молодого Гете, имевшей огромный успех также в Англии и во Франции. Появилась целая плеяда русских «вертеристов», первым из которых был М.В.Сушков, автор романа «Российский Вертер» [20]. По стране прокатилась волна самоубийств по примеру гетевского героя. Важно подчеркнуть особую популярность повести Гете у членов Дружеского литературного общества: братьев Тургеневых, братьев Кайсаровых, молодого Жуковского – чья «мировая скорбь» (Weltschmerz) и страдальческие «сны воображения» составляли разительный контраст с полной животворящих сил природой и прекрасными творениями человеческой культуры [21]. Впоследствии Дружеское литературное общество передало эстафету идеалистам тридцатых годов – «любомудрам» и кружку Н.В.Станкевича, Станкевич же оказал огромное влияние на Тургенева, причем, не где-нибудь, а в Берлине, в салоне Беттины фон Арним – той самой «девочки», с которой Гете переписывался и на которой даже собирался жениться. Разумеется, ни Станкевич, ни Беттина не убеждали Тургенева подражать «Вертеру». Все дело было в том самом «немецком море», в которое бросился тогда Тургенев не только из-за отчаяния при виде «мерзостей»

тогдашней русской жизни, но также из-за изначально присущей ему предрасположенности к атмосфере, наполненной духом благородного безволия, женственности, красоты и прочих атрибутов платоновского эроса. «Страдания юного Вертера» выражали этот дух весьма отчетливо.

При сравнении гетевской повести с самыми различными произведениями Тургенева можно провести литературные параллели, обнаруживающие себя в трех аспектах.

Во-первых, Вертер, как и герои Тургенева, интересен прежде всего как «внутренний человек» [22], душевную пищу для которого составляют именно «милые сны воображения». Уже на первой странице, в первом абзаце гетевского романа его герой утверждает: «...люди страдали бы гораздо меньше, если бы не развивали в себе так усердно силу воображения» [23]. Перевернем еще две страницы: «Не знаю, то ли обманчивые духи населяют эти места, то ли мое собственное пылкое, вдохновенное воображение все кругом превращает в рай» (11). Гете исподволь подводит нас к мысли о том, что все будущие страдания его героя и сама его трагическая смерть являются результатом не столько воздействия внешних обстоятельств, сколько разрушительной деятельности «внутреннего человека». Но зато каким важным, интересным, каким безмерно ценным оказывается этот «внутренний человек»! «Душа моя – отражение предвечного Бога» (11), – восклицает Вертер, но ведь под этими словами мог бы подписаться и сам Гете, и его русские последователи. Точно такие же мысли содержатся, к примеру, в «Моей метафизике» Н.В.Станкевича (1833), о влиянии которого на мировоззрение Тургенева выше говорилось.

Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что такие художники слова, как Гете, а в России Карамзин, Жуковский, Тургенев, Чехов и Бунин – авторы, в целом предпочитавшие не эпическую, а лирическую, не дионисийскую бездну, а аполлинскую гармонию [24], не «перст указующий, страстно поднятый», а скептическое созерцание жизни с безопасного расстояния – проявляли особую предрасположенность к психопэтике, то есть к известному подчинению словесного творчества внутренним психическим процессам – не только интеллектуальным, но и иррационально-душевному, в полной мере «невыразимым» [25].

Во-вторых, тургеневская поэтика содержит множество элементов, обнаруживающих прямую связь с гетевским романом. Эти элемен-

ты можно отнести к разряду *психопоэтических аксессуаров*, при помощи которых Гете и Тургеневу с конкретно-чувственной, осязаемой достоверностью удастся передать ощущения влюбленного героя. В одних случаях речь может идти о явной реминисценции, в других мы имеем дело с общей для Гете и Тургенева трансформацией традиционных для европейской литературной традиции топосов. В качестве примера гетевской реминисценции у Тургенева можно указать на мотив *искусства, разжигающего страсть*. Танец Лотты, игра на фортепьяно Веры Ельцовой и пение Лизы Калитиной играют немаловажную роль в развитии чувств. Еще более яркий пример прямого заимствования – совместное чтение поэзии («Песен Оссиана» в «Вертере» и гетевского «Фауста» в одноименной повести Тургенева), во время которого герой и героиня падают друг другу в объятия. Заметим, что и у Гете, и у Тургенева речь идет о «грешной», недозволенной любви, так как Лотта целует Вертера уже будучи женой Альберта, а Вера дает волю своей страстной любви к Павлу Александровичу вопреки обету верности, данному мужу. Другим заимствованным мотивом является *девушка в окружении играющих детей* как квинтэссенция чистоты и невинности (Лотта у Гете; Наталья Ласунская, Зинаида Засекина, Лиза Калитина у Тургенева) [26]. *Предметы, взятые героем тайком на память о женщине* (розовый бант Лотты и ленточка, принадлежавшая таинственной незнакомке в «Трех встречах»), *игра в фанты*, обнаруживающая истинные намерения героя и героини – все это сентиментальные литературные мотивы, которые вполне могли стать предметом заимствования.

Примером обращения сперва Гете, а затем Тургенева к традиционным топосам европейской любовно-идиллической литературы могут послужить мотивы *«возлюбленного места»* (*locus amoenus*), *белого платья и черных глаз*, а также *двух растений на могиле влюбленного*.

Деревня, в которой живет Лотта, не случайно называется Вальхейм: *Wahlheim* по-немецки буквально означает «избранный приют». Здесь все как в античном *locus amoenus*: роща, лужайка, источник, безмятежные идиллические нравы [27]. Однако в пейзаже Гете большую роль играет культурный ландшафт XVIII века, целью которого была вторичная идеализация девственной природы и седой старины, призванная, по мнению современников поэта, возбудить в человеке врожденные «чувства добрые» – поэзию сердца, доброту, любовь. Вот почему в «Страданиях юно-

го Вертера» появляются темные липовые аллеи и обветшалая беседка – места поэтического томления и «страсти нежной». Тургенев расширит реестр «возлюбленных мест» и выйдет за границы селения или парка: его влюбленные герои будут встречаться у пруда, на берегу реки или на опушке леса [28]. В то же время он следует Гете и другим адептам сентиментально-романтической поэтики, неизменно и с большим художественным тактом вводя в свои произведения такие изношенные локальные мотивы, как заглохший сад или руины старых построек в парке. Так, например, драма Веры Ельцовой в «Фаусте» разыгрывается в китайском садовом павильоне, на стене которого сидит страшный паук.

У гетевской Лотты и у многих тургеневских героинь *темные глаза* [29], контрастирующие с безмятежной *белизною* платья. Оба художника слова в данном случае следуют старой культурной традиции, которая связывала белизну костюма с чистотой и невинностью девушки, а черноту глаз – со страстностью [30]. Сочетание темных глаз и белого платья создавало идеальные «портретные данные» девственной героини, которой суждено было познать сладость и муки любовной страсти.

Две липы на могиле Вертера и две елочки на могиле Базарова, символизирующие посмертное соединение двух душ и сердец – дань старой мифологической и литературной традиции. В древнегреческом мифе Филемон и Бавкида в момент смерти превратились в сплетенные стволы дуба и липы; на могиле же славного рыцаря Тристана вырастает терновый куст, который перекидывается через часовню на могилу его возлюбленной златокудрой Изольды.

Сложнее обстоит дело с мотивом самоубийства. Сам по себе не новый, не раз встречающийся в античной и средневековой литературе, этот мотив был тем не менее заново открыт именно Гете и именно в «Вертере». Вертер добровольно выбирает смерть, потому что его слабование, эмоциональная незрелость и неуравновешенность не позволяют выбраться из лабиринта проблем, вызванных любовью к Лотте. Его самоубийство – самоубийство «чувствительного» человека Нового времени, суть душевного склада которого Достоевский впоследствии определит посредством метонимии «слабое сердце». Есть в гетевском романе и скрытое, «тихое» самоубийство – смерть безымянного писца, который, как и Вертер, страдал от любви к Лотте. Точно так же встречают смерть герои рассказов «Несчастливая» и «Стук... стук... стук..!». Такую смерть формаль-

но нельзя назвать самоубийством, ибо эти герои не накладывают на себя руки, а *угасают*. Скрытых самоубийств, то есть смерти в результате любовных страданий, когда жизнь становится неспособной, в творчестве Тургенева довольно много: к ним можно по сути дела отнести смерть Рудина, Базарова, Веры Ельцовой, Клары Милич. Есть, однако, у Тургенева и прямые самоубийства от любви: старосты Лукьяныча из «Трех встреч», а также Нежданова из романа «Новь».

В связи с этим можно говорить о третьей особенности «поэзии сердца» Гете и Тургенева – о ее прямой связи с платонической традицией изображения эротической сферы, истолкованной в сентиментально-меланхолическом, пассивном ключе. Оба автора предельно нежны, осторожны, деликатны. Любовь в ощущении юного Вертера и большинства тургеневских героев, не исключая бравурирующего напускной грубостью «нигилиста» Базарова, становится пронизанной женским, а не мужским началом. Вертер и герои Тургенева *отдаются* любви и женщине, словно слышат призыв Эллис из повести «Призраки»: «Отдайся мне!» «Ах, как бы мне хотелось сидеть у ваших ног в милой, уютной комнатке и чтобы наши дорогие малыши возились вокруг меня!» (59), – восклицает герой романа Гете, мечтая не о свершениях, не о подвижничестве во имя любви, а о том, чтобы влиться в мир Лотты, предаться ей. И напрасно она укоряет его: «Будьте же мужчиной! Отрешитесь от вашей несчастной привязанности к той, которая может лишь жалеть вас» (91), – мужчиной в традиционном понимании этого слова чувствительный герой Нового времени стать не может. Его трагедия еще более усугубляется тем обстоятельством, что его возлюбленная, как Лотта или пушкинская Татьяна, «другому отдана», причем виновницей оказывается другая женщина – мать героини. Мотив виновной матери появляется у Тургенева довольно часто: вспомним повесть «Фауст», романы «Рудин» и «Дым». Однако *трагическая* (никоем образом не субъективная) вина самого мужчины, у которого недостает мужества и воли, чтобы осуществить

свое право на любовь, остается у Тургенева решающей причиной его жизненной катастрофы. Тургеневский Эрос гораздо больше напоминает свою бедную мать Пению, а не преисполненного мужской силы и уверенности отца Пороса.

Читая гетевского «Вертера», Тургенев узнавал в переживаниях главного героя нечто знакомое – любовь, подобную смертельной болезни, так хорошо известную писателю по собственному опыту. «Я – несчастный, которого ведет к смерти изнурительная болезнь» (36); «Разве в любви нет сходства с болезнью?» (45); «Зрелище бесконечной жизни превратилось для меня в бездну вечно отверстой могилы» (47–48), – разве мог Тургенев, столь мучительно, трагически, болезненно любивший, пройти мимо этих высказываний Вертера? Герои «Фауста», «Переписки», «Отцов и детей», «Призраков», «Вешних вод», «Клары Милич» повторяют те же самые мысли; в их судьбе много сходства с его судьбой. И Гете, и Тургенев на собственном опыте испытали двойственную природу Эроса – и его радостную животворящую силу, и его ущербную смертоносную энергию.

В заключение заметим, что эротика Тургенева отличалась от «поэзии сердца» молодого Гете, по крайней мере, в том смысле, что в творениях русского писателя очень силен момент тихой и застенчивой любви-жалости, любви-умиления, характерный для русского народного понимания этого чувства. Образ этой любви появляется у Тургенева уже в юношеском рассказе «Петушков» (1847) [31], несколько раз в «Записках охотника» (к примеру, в «Свидании», «Ермолае и мельничихе», «Касьяне с Красивой Мечи»), а также в «Дворянском гнезде» – речь идет, разумеется, о чувстве Лизы. «Поэзия сердца», связанная с комплексом алчущего, страдающего Эроса, накладывается на типичное для России «жаление», когда любящие страдают от невозможности дать любимым нечто доброе – приласкать их, согреть, накормить... [32].

Последнее замечание выходит, однако, за рамки настоящей статьи.

1. Ср.: Jung C.G. Psychologie und Dichtung // C.G.Jung, Gessammelte Werke. Olten–Freiburg im Breisgau, Rascher und Walter Verlag, 1958–1994. Bd. XV. S. 379–403 (Germ.).
2. О сновидчестве Тургенева см.: Топоров, В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М., (Изд-во Российск. гос. гуманит. ун-та), 1998. С. 127–180 (глава «Сны, видения, призраки»).
3. В письме к Полине Виардо от 11 августа 1849 г. Тургенев обыгрывает знаменитое изречение Педро Кальдерона, которого собирался переводить на русский: «La vida es sueño, y el sueño es la vida». В духе отождествления жизни и поэзии со сном рассуждает не один герой Тургенева. Так, например, Яков Пасынков, зная, что умрет на днях, замечает: «Экая славная вещь сон, подумаешь! Вся жизнь наша сон, и лучшее в ней опять-таки сон. –

- А поэзия? – спросил я. – И поэзия сон, только райский» (Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. VI. М., ГИХЛ, 1955. С. 148). Ср.: Топоров, В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы)... С. 135–136.
4. «Призраки» (1864), «Сон» (дважды – рассказ 1877 г. и стихотворение, включенное в письмо Нежданова его другу Силину в романе «Новь»).
 5. Выражение шестнадцатилетнего А.С.Пушкина из стихотворения «Послание к Юдину» (1815). Герои тургеневского «Фауста» заводят разговор «о силе воображения», выражающейся в прекрасных и несбыточных грезах о счастье, причем эти грезы принимают форму снов наяву (Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. VI... С. 190–191).
 6. Определение «невыразимое» (*das Unausprechliche, das Unsägliche*), а также эпитеты «незримо» (*unsichtbar*) и «темно» (*dunkel*) появляются у Новалиса в «Гимнах к ночи» (1799). См.: Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопозтики русской лит-ры XVIII–XIX вв. М., Языки русской культуры, 1998. С. 17–21.
 7. В церковнославянском языке слово *красота* (греч. *κοσμος*) означает «порядок, устройство; распоряжение, устав, украшение; мир, свет, вселенная» (Полный церковнославянский словарь / сост. Г.Дьяченко. М., Изд. отдел Московского патриархата, 1993. С. 268).
 8. Гонкур, Э. и Ж. де (Дневниковая запись от 5 мая 1877 года) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. II. М., Худож. литература, 1983. С. 273.
 9. Н.А.Бердяев, который справедливо заметил, что «русский скептик есть западный в России тип» (Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, YMCA-Press, 1955. С. 39), видимо, имел в виду также Тургенева. Ср.: Przebinda G. *Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej* (1832–1922), Kraków, 1998. S. 36 (Polish), примеч. 54.
 10. Ср.: «Наиболее значительным и последовательным эллином был, без сомнения, Тургенев, чье “Дворянское гнездо” должно было быть чем-то вроде трехмерной вечности, субститутотом рая и в то же время убежищем для человеческой индивидуальности» (Przebinda G. *Od Czaadajewa do Bierdiajewa*..... S. 468. (Polish). Перевод мой. – В.Ш.).
 11. Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы)... С. 57–59.
 12. Как бездомны некоторые герои Пушкина (его лирический герой, Алеко, Онегин) и многие герои Тургенева (Рудин, Лаврецкий, Литвинов, Нежданов – можно привести достаточное количество подобных примеров).
 13. Plato. *Convivium* (Συμπόσιον). 203b–203d. Курсив мой. – В.Ш.
 14. В стихотворении «Близнецы» Тютчев говорит о двух парах близнецов: первую составляют сон и смерть, вторую – «самоубийство и любовь». В сонете Бодлера «*Les deux bonnes sœurs*» («Две сестры-монахини») читаем: «*La Débauche et la Mort sont deux aimables filles*». Примеры привожу вслед за В.Н.Топоровым (Топоров, В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы)... С. 54–55, 58).
 15. См., напр.: Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., Наука, 1977. С. 270–281.
 16. Термин Г.Р.Яусса. См.: Jauss H.R. *Untersuchungen zur mittelalterlichen Tierdichtung*. Tübingen, 1959. S. 153, 180, 225, 271 (Germ.).
 17. Гонкур, Э. и Ж. де. (Дневниковая запись от 5 мая 1877 года)... С. 264.
 18. Это, несомненно, вызвано сложными отношениями писателя с его матерью, с желанием освободиться от гнета материнской опеки. Подробнее см.: Зайцев, Б.К. Жизнь Тургенева: Литературная биография. М., Дружба народов, 1998. С. 22–23; Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы)... С. 14–19.
 19. Вот почему в повести «Первая любовь» Владимир проникается уважением к отцу, соблазнившему Зинаиду, а страдающую из-за измены мужа мать изображает без малейшего сочувствия.
 20. О рецепции «Страданий юного Вертера» в России см.: Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., Наука, 1981. С. 33–64, 73–77.
 21. Там же. С. 60–64. Особая роль в процессе осмысления непреходящей ценности «внутреннего человека», его страданий и рефлексий выпала на долю Андрея Тургенева. См.: Веселовский, А.Н. В.А.Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918. С. 43–91; Топоров В.Н. «Дневник» Андрея Ивановича Тургенева – бесценный памятник русской культуры // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв.: Тез. науч. конф. Таллинн, Таллинский пед. ин-т, 1985. С. 86–91.
 22. Е.Г.Эткинд утверждает, что понятие «внутренний человек» впервые появляется в трактате Жана-Поля (Рихтера) «Кампанская долина, или О бессмертии души» (1797). Однако, отмечает исследователь, само представление о «внутреннем человеке» существовало в литературе Европы Нового времени и до появления этого словосочетания (Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопозтики русской литературы XVIII–XIX вв.... С. 11–12).
 23. Гете, И.Г. Страдания юного Вертера / пер. Н.Касаткиной. М., ГИХЛ, 1954. С. 9. В дальнейшем ссылки на роман приводятся по этому изданию, страницы указаны в тексте.
 24. Сказанное несколько не означает, что упомянутые авторы не проявляли интереса к той огромной роли, которую играют «дионисийские бездны» в психике человека. Наоборот, литература обязана им многими открытиями в области бессознательного. Однако никто из них не посмел бы утверждать, подобно Дмитрию Карамазову, что идеал красоты заключается «и в Содоме».

25. Ср. понимание термина «психопозитика» у Е.Г. Эткинда (Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопозитики русской литературы XVIII–XIX вв.... С. 12).
26. Этот мотив впоследствии появляется у Достоевского: в «Идиоте» детьми окружена несчастная Мари и сам князь Мышкин, а в «Братьях Карамазовых» Алексей Федорович. Трансформация мотива колоссальна, но его сущность – символика чистоты и невинности – сохраняется.
27. Об античной традиции изображения locus amoenus см.: Curtius E.R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948. S. 202–206 (Germ.).
28. Впрочем, уже в пушкинской «Барышне-крестьянке» Алексей и Лиза встречаются на лесной опушке, на границе отцовских владений.
29. У Аси черные глаза, у Зинаиды Засекиной – темно-серые, у Джеммы («Вешние воды») – тоже темно-серые. Заметим, что огромные карие глаза навькате – единственная черта Полины Виардо, которой восхищались все, кто знал знаменитую певицу.
30. О символике белого и черного см.: Kopalinski W. Słownik symboli. Warszawa, 1991. S. 22–23, 53–54 (Polish)
31. Впрочем, в этом рассказе можно заметить реминисценции, в данном случае из романа «Манон Леско» аббата Прево. См.: Зельдхейн-Деак Ж. Кавалер де Грие русской провинции // Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Slavica XXIII. Debrecen, 1986. P. 53–60.
32. В русской народной любви-жалости много общего с древнегреческой агапе (agape), ставшей существенным элементом христианского «воспитания чувств». Однако агапе, противопоставляемое эросу, имело в Древней Греции значение деятельной, одаряющей, т.е. активной любви (Словарь античности. М., Прогресс, 1989. С. 12), в России же получил распространение пассивно-фаталистический вариант этого чувства.

TURGENEV AND GOETHE. SOMETHING ABOUT PSYCHOPOETICS, EROS AND BEAUTY

© 2016 V.G.Shchukin

Vasily Georgievich Shchukin, PhD, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Medieval and Modern Russian Literature. E-mail: wszczukin@yandex.ru

Jagiellonian University in Cracow, Poland

The article traces the intertextual relations of erotic motives in the works of I.S. Turgenev and J.W. Goethe's novel "The Sorrows of Young Werther". The author seeks to prove that common to both writers, the image of the feminine passive lover, often doomed, goes back to Plato's understanding of Eros as the embodiment of the need for love, which is doomed to impossibility of satisfaction. The psychopoetics of Turgenev, close to Goethe's one and based on a suggestive delievery of "unspeakable", as well as a number of repeated motifs demonstrate the commitment of both authors to the Platonic tradition of the image of the erotic sphere, interpreted as sentimental and melancholic way.

Key words: I.S.Turgenev, J.W.Goethe, Plato, psychopoetics, unspeakable, Eros, intertextualism.

1. Cp.: Jung C.G. Psychologie und Dichtung // C.G.Jung, Gessammelte Werke. Olten–Freiburg im Breisgau, Rascher und Walter Verlag, 1958–1994. Bd. XV. S. 379–403. (Germ.)
2. O snovidchestve Turgeneva sm.: Toporov, V.N. Strannyi Turgenev (Chetyre glavy) (Strange Turgenev (Four chapters)). M., Izd-vo Rossiisk. gos. gumanit. un-ta, 1998. S. 127–180 (glava «Sny, videniia, prizraki»).
3. V pis'me k Poline Viardo ot 11 avgusta 1849 g. Turgenev obygrivaet znamenitoe izrechenie Pedro Kal'derona, kotorogo sobiralsia perevodit' na russkii: «La vida es sueño, y el sueño es la vida». V dukhe otozhdestvleniia zhizni i poezii so snom rassuzhdaet ne odin geroi Turgeneva. Tak, naprimer, Iakov Pasynkov, znaia, chto umret na dniakh, zamechaet: «Ekaia slavnaia veshch' son, podumaesh'! Vsia zhizn' nasha son, i luchshee v nei opiat'taki son. – A poezii? – sprosil ia. – I poezii son, tol'ko raikii» (Turgenev, I.S. Sobranie sochinenii (Collected works): v 12 t. T. VI. M., GIKhL, 1955. S. 148). Sr.: Toporov V.N. Strannyi Turgenev (Chetyre glavy) (Strange Turgenev (Four chapters)) S. 135–136.
4. «Prizraki» (1864), «Son» (dvazhdy – rasskaz 1877 g. i stikhotvorenie, vkluchennoe v pis'mo Nezhdanova ego drugu Silinu v romane «Nov»).
5. Vyrashenie shestnadsatiletnego A.S.Pushkina iz stikhotvoreniia «Poslanie k Iudinu» (1815). Geroi turgenev-skogo «Fausta» zavodiut razgovor «o sile voobrazheniia», vyrazhaiushcheisia v prekrasnykh i nesbytochnykh grezakh o schast'e, prichem eti grezy prinimaiut formu snov naiavu (Turgenev, I.S. Sobranie sochinenii (Collected works). S. 190–191).
6. Opredelenie «nevyrazimoe» (das Unaussprechliche, das Unsägliche), a takzhe epitety «nezrimo» (unsichtbar) и «temno» (dunkel) poiavliaiutsia u Novalisa v «Gimnakh k nochii» (1799). Sm.: Etkind, E.G. «Vnutrennii chelovek» i

- vneshniaia rech': ocherki psikhopoetiki russkoi literatury XVIII–XIX vv. ("The internal person" and external speech: Sketches of psychopoetics of the Russian literature of the 18-19th centuries). M., Iazyki russkoi kul'tury, 1998. S. 17–21.
7. V tserkovnoslavianskom iazyke slovo krasota (grech. κοσμος) oznachaet «poriadok, ustroistvo; rasporyazhenie, ustav, ukrashenie; mir, svet, vselelnaia» (Polnyi tserkovnoslavianskii slovar' (Unabridged Church Slavonic dictionary) / sost. G.D'iachenko. M., Izdatel'skii otdel Moskovskogo patriarkhata, 1993. S. 268).
 8. Gonkur, E. i Zh. de (Dnevnikovaia zapis' ot 5 maia 1877 goda) (The diary entry of May 5, 1877) // I.S.Turgenev v vospominaniakh sovremennikov: V 2 t. T. II. M., Khudozh. literatura, 1983. S. 273.
 9. N.A.Berdiaev, kotoryi spravedливо zametil, chto «russkii skeptik est' zapadnyi v Rossii tip» (Berdiaev, N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma (Sources and sense of the Russian communism). Parizh, YMCA-Press, 1955. C. 39), vidimo, imel v vidu tak-zhe Turgeneva. Cp.: Przebinda G. Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej (1832–1922), Kraków, 1998. S. 36, note 54.
 10. Sr.: «Naibolee znachitel'nym i posledovatel'nym ellinom byl, bez somneniia, Turgenev, ch'e "Dvorianskoe gnezdo" dolzhno bylo byt' chem-to vrode trekhmernoj vechnosti, substitutom raia i v to zhe vremia ubezshishchem dlia chelovecheskoi individual'nosti» (Przebinda G. Od Czaadajewa do BierdiajewaS. 468. Pervod moi. – V.Shch.).
 11. Toporov, V.N. Strannyi Turgenev (Strange Turgenev (Four chapters)). S. 57–59.
 12. Kak bezdomny nekotorye geroi Pushkina (ego liricheskii geroi, Aleko, Onegin) i mnogie geroi Turgeneva (Rudin, Lavretskii, Litvinov, Nezhdanov – možno privesti dostatochnoe kolichestvo podobnykh primerov).
 13. Plato. Convivium (Συμπόσιον). 203b–203d. Kursiv moi. – V.Shch.
 14. V stikhotvorenii «Bliznetsy» Tiutchev govorit o dvukh parakh bliznetsov: pervuiu sostavliaiut son i smert', vto-ruiu – «samoubiistvo i liubov'». V sonete Bodlera «Les deux bonnes sœurs» («Dve sestry-monakhini») chitaem: «La Débauche et la Mort sont deux aimables filles». Primery privozhu vsled za V.N.Toporovym (Toporov, V.N. Strannyi Turgenev (Strange Turgenev (Four chapters)) S. 54–55, 58).
 15. Sm., napr.: Tynianov, Iu.N. O literaturnoi evoliutsii (About literary evolution) // Tynianov Iu.N.Poetika. Istoriia literatury. Kino (Poetics. History of literature. Cinema). M., Nauka, 1977. S. 270–281.
 16. Termin G.R.Iaussa. Sm.: Jauss H.R. Untersuchungen zur mittelalterlichen Tierdichtung. Tübingen, 1959. S. 153, 180, 225, 271.
 17. Gonkur, E. i Zh. de. (Dnevnikovaia zapis' ot 2 marta 1872 goda) (The diary entry of March 2, 1872)... S. 264.
 18. Eto, nesomnenno, vyzvano slozhnymi otnosheniami pisatel'ia s ego mater'iu, s zhelaniem osvobodit'sia ot gnet materinskoi opeki (It, undoubtedly, is caused by difficult relations of the writer with his mother, with desire to be exempted from oppression of maternal guardianship). Podrobnее sm.: Zaitsev, B.K. Zhizn' Turgeneva: literaturnaia biografiia (Literary biography). M., Druzhba narodov, 1998. S. 22–23; Toporov, V.N. Strannyi Turgenev (Strange Turgenev (Four chapters)...). S. 14–19.
 19. Vot pochemu v povesti «Pervaia liubov'» Vladimir pronikaetsia uvazheniem k ottsu, soblaznivshemu Zinaidu, a stradaiushchuiu iz-za izmeny muzha mat' izobrazhaet bez maleishego sochuvstviia.
 20. O retseptsii «Stradanii iunogo Vertera» v Rossii sm.: Zhirmunskii, V.M. Gete v russkoi literature (Goethe in Russian literature). L., Nauka, 1981. S. 33–64, 73–77.
 21. Zhirmunskii, V.M. Gete v russkoi literature (Goethe in Russian literature). S. 60–64. Osobaia rol' v protsesse osmysleniia neprekho-diashchei tsennosti «vnutrennego cheloveka», ego stradaniia i refleksii vypala na doliu Andreia Turgeneva. Sm.: Veselovskii, A.N. V.A.Zhukovskii. Poeziia chuvstva i «serdechnogo voobrazheniia» (Poetry of feeling and "warm imagination"). Pg., 1918. S. 43–91; Toporov, V.N. «Dnevnik» Andreia Ivanovicha Turgeneva – bestsennyi pamiatnik russkoi kul'tury (Andrey Ivanovich Turgenev's "diary" – an invaluable monument of Russian culture) // Literaturnyi protsess i razvitie russkoi kul'tury XVIII–XX vv. tez. nauch. konf. Tallinn, Tallinskii ped. in-t, 1985. S. 86–91.
 22. E.G.Etkind utverzhaet, chto poniatie «vnutrennii chelovek» v pervye poiavliaetsia v traktate Zhana-Polia (Rikh-tera) «Kampanskaia dolina, ili O bessmertii dushi» (1797). Odnako, otmechaet issledovatel', samo predstavlenie o «vnutrennem cheloveke» sushchestvovalo v literature Evropy Novogo vremeni i do poiavleniia etogo slovosochetaniia (Etkind, E.G. «Vnutrennii chelovek» i vneshniaia rech': ocherki psikhopoetiki russkoi literatury XVIII–XIX vv. ("The internal person" and external speech: Sketches of psychopoetics of Russian literature of XVIII–XIX vv.) S. 11–12).
 23. Gete, I.G. Stradanii iunogo Vertera (The Sorrows of Young Werther) / per. N. Kasatkinoi. M., GIKhL, 1954. S. 9. V dal'neishem ssylki na roman privodiatsia po etomu izdaniuu, stranitsy ukazany v tekste.
 24. Skazannoe niskol'ko ne oznachaet, chto upomianutye avtory ne proiaviali interesa k toi ogromnoi roli, kotoruiu igraiat «dionisiiskie bezdny» v psikhike cheloveka. Naoborot, literatura obiazana im mnogimi ot-krytiiami v oblasti bessoznatel'nogo. Odnako niko iz nikh ne posmel by utverzhdad', podobno Dmitriiu Karamazovu, chto ideal krasoty zakliuchaetsia «i v Sodome».
 25. Sr. ponimanie termina «psikhopoetika» u E.G. Etkinda (Etkind, E.G. «Vnutrennii chelovek» i vneshniaia rech': ocherki psikhopoetiki russkoi literatury XVIII–XIX vv. ("The internal person" and external speech: Sketches of psychopoetics of Russian literature of XVIII–XIX vv.) S. 12).

26. Etot motiv vposledstviu poiavliaetsia u Dostoevskogo: v «Idiote» det'mi okruzhena neschastnaia Mari i sam kniaz' Myshkin, a v «Brat'iaKh Karamazovykh» Aleksei Fedorovich. Transformatsiia motiva kolossal'na, no ego sushchnost' – simbolika chistoty i nevinnosti – sokhraniaetsia.
27. Ob antichnoi traditsii izobrazheniia locus amoenus sm.: Curtius E.R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948. S. 202–206 (Germ.).
28. Vprochem, uzhe v pushkinskoi «Baryshne-krest'ianke» Aleksei i Liza vstrechaiutsia na lesnoi opushke, na granitse ottsovskikh vladenii.
29. U Asi chernye glaza, u Zinaidy Zasekinoi – temno-serye, u Dzhemmy («Veshnie vody») – tozhe temno-serye. Zametim, chto ogromnye karie glaza navykate – edinstvennaia cherta Poliny Viardo, kotoroi voskhishchalis' vse, kto znal znamenituiu pevitsu.
30. O simbolike belogo i chernogo sm.: Kopaliński W. Słownik symboli. Warszawa, 1991. S. 22–23, 53–54 (Polish.).
31. Vprochem, v etom rasskaze mozno zametit' reminitsentsii, v dannom sluchae iz romana «Manon Lesko» abbata Prevo. Sm.: Zel'dkheii-Deak Zh. Kavalier de Grie russkoi provintsii (Gentleman de Griye of the Russian province) // Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Slavica XXIII. Debrecen, 1986. P. 53–60.
32. V russkoi narodnoi liubvi-zhalosti mnogo obshchego s drevnegrecheskoi agape (agaph), stavshei sushchestvennym elementom khristianskogo «vospitaniia chuvstv». Odnako agape, protivopostavliaemoe erosu, imelo v Drevnei Gretsii znachenie deiatel'noi, odariaiushchei, t.e. aktivnoi liubvi (Slovar' antichnosti (Dictionary of antiquity). M., Progress, 1989. S. 12), v Rossii zhe poluchil rasprostranenie passivno-fatalisticheskii variant etogo chuvstva.